

В Императорском кабинете Ци Фу, склонившись к самому уху Иньюань-ди, вполголоса доложил, что Благородная наложница Лань направляется сюда. Иньюань-ди нахмурился, с грохотом швырнул на стол стопку докладов и в гневе воскликнул:

— Эти две женщины никак не угомонятся!

Ожидавший внизу второй принц Чэн Чжань тотчас отозвался:

— Отец, прошу, умерьте гнев.

Иньюань-ди махнул на него рукой и с раздражением произнес:

— Тебя это не касается, ступай.

— Слушаюсь, отец.

Чэн Чжань поклонился и вышел. На его губах едва заметно играла презрительная усмешка. Стоя у входа в покои, он видел, как у подножия тридцатиступенчатой лестницы, рядом с пышно цветущими поздними хризантемами и нефритовыми колоннами с изображением драконов, Благородная наложница Лань в парадном облачении яростно отстраняла стражников, преграждавших ей путь. Охрана не решалась применить силу и была вынуждена пропустить ее.

Чэн Чжань не спешил уходить. Поразмыслив мгновение, он поспешно свернул в боковой флигель.

Су Цзиньхуэй ступала по ступеням, преодолевая их одну за другой. У входа в кабинет она расправила рукава и опустилась на колени. Длинный подол ее наряда расстелился позади, ослепительно сверкая в лучах полуденного солнца.

— Ваше Величество, молю о встрече, — громко произнесла она.

Двери кабинета оставались плотно закрытыми. Лишь спустя долгое время они со скрипом приоткрылись, и главный евнух Ци Фу, сгорбившись, вышел наружу. Вздохнув перед Су Цзиньхуэй, он промолвил:

— Ох... зачем же вы так, госпожа?

Зачем? Су Цзиньхуэй холодно усмехнулась. Если она не станет бороться сейчас, то поистине разделит участь своей тетушки, которая даже после смерти послужила лишь инструментом для чужих целей.

В одно мгновение глаза Су Цзиньхуэй наполнились слезами. Она взглянула на Ци Фу с таким отчаянием и скорбью, что ее губы задрожали, не в силах вымолвить ни слова. Она лишь глубоко поклонилась в сторону покоев.

Беда... — подумал Ци Фу. Взмахнув метелкой, он развернулся и вошел внутрь.

Иньюань-ди не успел просмотреть и пары докладов — он был слишком взвинчен. Императрица вела себя нагло: даже не дождавшись его распоряжения, самовольно забрала маленького принца у любимой наложницы. И это пока он был во дворце! А что было бы, не будь его рядом? Она бы вовсе возомнила себя хозяйкой небес?

А теперь и наложница Лань, пользуясь его расположением, устроила представление, надеясь разжалобить его долгим стоянием на коленях? Неужели она решила, что пара знаков внимания дают ей право творить бесчинства?

Иньюань-ди холодно размышлял: он посмотрит, до какой черты дойдут эти женщины.

— Позовите сюда Цзяланя. Я хочу его видеть, — вздохнув, приказал император.

— Цзялань, Цзялань... — он достал висевшую на шее нефритовую подвеску и принялся бережно поглаживать ее. Взгляд его смягчился, наполняясь светлой тоской, а гнев понемногу отступил.

Двери кабинета медленно отворились. Иньюань-ди посмотрел на женщину, распростертую у его ног, но не проронил ни слова. Словно не замечая ее, он решительно зашагал прочь.

Су Цзиньхуэй резко вскинула голову. Взгляд, устремленный в спину императора, был полон холодного отчаяния. Она окликнула его:

— Ваше Величество!

Иньюань-ди не успел даже замедлить шаг, как позади раздался надрывный крик:

— Вы забрали ребенка тетушки и восемнадцать лет позволяли другим растить его! Теперь вы хотите забрать и моего сына, чтобы его воспитывали чужие люди?!

Иньюань-ди внезапно замер. Он развернулся и сурово уставился на коленопреклоненную женщину.

В боковом флигеле второй принц Чэн Чжань, подглядывавший в щель окна, был ошеломлен. Услышав столь сокровенную дворцовую тайну, он в смятении едва не опрокинул стоявшую рядом вазу. К счастью, он успел ее подхватить. Испугавшись до полусмерти, он осторожно поставил сосуд на место и снова прильнул ухом к щели.

Су Цзиньхуэй, казалось, не замечала убийственного взгляда императора. Она бесстрашно встретила его глаза — Иньюань-ди почувствовал, как внутри него шевельнулось недоброе предчувствие от ее обвиняющего взгляда.

Дрожащий голос Благородной наложницы Лань срывался на плач. Эти подавленные, отчаянные звуки вместе с жарким полуденным ветром проникали в узкую щель окна бокового флигеля.

— Прошло восемнадцать лет! Ее родной сын не возжег ни единой палочки благовоний у ее могилы!

— Думаете, тетушка обрела покой?!

— Вы считаете, что клан Лу, воспитав Цзяланя таким холодным и бездушным, позволил ей упокоиться с миром?!

В одно мгновение чувства захлестнули Иньюань-ди. Не в силах сдержаться, он одним рывком сократил расстояние, схватил Су Цзиньхуэй за горло и прижал ее к стене.

— Ты знала?! — на его лбу вздулись вены. Он сжимал пальцы все сильнее, процедив сквозь зубы: — Что еще тебе известно?!

В глазах императора бушевала буря. Из глубин памяти всплывали события двадцатилетней давности — одно за другим, залитые кровью, с едким привкусом железа.

Сейчас его не заботили распри наложниц. Он смотрел на свою фаворитку с такой безжалостной жестокостью, будто готов был задушить ее на месте, если она скажет хоть слово не так. В его глазах не осталось ни капли тепла — лишь тот же леденящий холод, что и в тех страшных событиях двадцатилетней давности.

Су Цзиньхуэй с трудом разжала его пальцы, впившиеся ей в горло, и бессильно сползла на пол, заходясь в мучительном кашле.

Немного переведя дух, она прохрипела:

— Ваше Величество, вы ведь не знаете... Двадцать лет назад, когда тетушка была беременна, она отправила домой письмо.

Иньюань-ди холодно смотрел на нее, не перебивая.

В боковом флигеле второй принц прижался к окну так сильно, что, казалось, готов был просочиться сквозь него. Он боялся упустить хоть слово. Опасность, связанная с этой тайной, заставляла его сердце биться, как барабан. С одной стороны, он начал смутно догадываться, кто такой Лу Цзялань, с другой — его охватил ужас за собственную судьбу. Он не знал, радоваться ли тому, что узнал эту тайну, или проклинать себя за любопытство. Если его обнаружат, то о троне можно забыть — вопрос будет лишь в том, удастся ли ему вообще живым покинуть этот кабинет.

Он слышал, как Благородная наложница Лань, продолжая кашлять, произнесла:

— В письме тетушка писала, что если ребенку будет хорошо в семье, то и ладно, но если нет — просила родных присмотреть за ним.

— Кто бы мог подумать, что, когда семья поспешно прибыла в столицу, они не успели даже попрощаться с ней — пришло известие, что она скончалась от послеродовой депрессии.

Су Цзиньхуэй снова закашлялась и с горькой усмешкой спросила:

— Ваше Величество... Вы знаете, как именно тетушка скончалась от этой депрессии?

<http://bllate.org/book/20357/2035253>